

Вагим Храппа

Фонтан Сирены

Сказки

Вадим Храппа

Фонтан сирены. Сказки

«Автор»

Храппа В. В.

Фонтан сирены. Сказки / В. В. Храппа — «Автор»,

Рассказ о девочке, чудесным образом спасшей свой старый-старый город от наводнения, о том, что из этого вышло, и как папа этой девочки неожиданно стал видеть сказочные события на улицах этого самого городка.

© Храппа В. В.

© Автор

Содержание

Фонтан сирены	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вадим Храппа

Фонтан сирены

Фонтан сирены

1

Городок наш, хоть и знаменит в мире давно прошедшими событиями, но до сих пор остаётся маленьким и тесным, где все друг другу хорошо знакомы. Достаточно сказать, что дети городка ходят в единственную школу, где некогда учились и их родители, и многие поколения людей, живших прежде времён, о которых пойдёт речь. Эта школа, чьи гранитные колонны в гулких коридорах, согласно местному преданию, помнили солдат императора Наполеона, а чердак под крышей из разноцветной глазурованной черепицы с медной сиреной на флюгере полон таинственных шорохов и шёпотов, конечно достойна того, чтоб о ней тоже сложили рассказ, но не здесь. Хотя началось всё в этой самой школе, увенчанной одним из трех флюгеров с изображением сирены – символа города.

Итак.

В нашем городке, через который протекает неширокая извилистая река, впадающая ниже по течению в морской залив, жила, да и сейчас живёт и здравствует с мамой и папой в доме, прислонившемся к башне древних городских ворот, некая девочка, которую мы станем звать Катей. В один прекрасный осенний день, когда листья лип вдоль дорог светятся на солнце золотыми монетами, в доме Кати раздался телефонный звонок и её маму вежливо пригласили в школу побеседовать. Мама насторожилась, но не стала паниковать. До сих пор Катя слыла разумной девочкой и вполне усердной ученицей. Так что повода для переживаний у мамы, как ей казалось, не было.

Однако на другой день её настроение очень изменилось. В ходе беседы с учителями Кати выяснилось, что у той появился перечень совершенно неприемлемых для ученика средней школы качеств. Например, мечтательность. Оказалось, Катя стала слишком часто затуманенным взглядом разглядывать крыши города за окном класса, вместо того, чтобы внимательно ловить и запоминать каждое слово преподавателя. На вопросы отвечает невпопад... А, кроме того, она начала спорить! Разумеется, против того, что биссектриса делит углы пополам, Кате трудно возразить. С тем, что белые медведи живут на севере, а слоны – на юге, она тоже соглашается. Но теория эволюции Дарвина вызывает у неё сомнения. А учитель краеведения Светлана Павловна вообще не знает, что делать с этим ребёнком?

– Представляете, – сказала Светлана Павловна. – Ваша Катя утверждает, что в нашей школе никогда не бывали солдаты императора Наполеона! Профессор краеведения Пальцев в своем учебнике для средних и старших классов приводит убедительные доказательства в пользу солдат Наполеона, а наша Катя с ним не согласна!

– Право же, – добавила Светлана Павловна. – Это не совсем нормально.

И уж совсем ненормально было то, что Катя как-то умудрилась прогулять несколько уроков! Тех самых, краеведческих.

– С этим уже надо что-то делать. Предпринимать шаги, – сказала напоследок Светлана Павловна маме.

– Господи! – выговаривала мама Кате по пути домой. – И дались тебе эти наполеоновские солдаты!

Но аллея к дому была заросшей старыми красными буками, и в их позеленевшей к осени листве, сновали, собирая орешки, белки. Кате они были много любопытнее отношений Светланы Павловны с Наполеоном.

– Ох, Катя... – заметив её интерес к белкам, вздохнула мама. – Всё-таки с тобой что-то надо делать...

Вечером вмешался папа.

– Эта Светлана Павловна некогда преподавала у нас Обществоведение, – заявил он, рассевшись на диване после ужина. – И я хорошо помню, что некоторые из её постулатов уже тогда казались мне противоречащими здравому смыслу.

Поужинав, папа Кати обычно говорил витиевато.

– Вполне возможно, что солдаты Наполеона и не переступали порога нашей школы, – продолжил он, косясь одним глазом в телевизор. – Но это не повод прогуливать уроки. И, кстати, Катя, с каких это пор у тебя появились друзья детсадовского возраста? Я давеча на Мельничной улице видел нашу дочь во главе компании карапузов. Вообразите моё удивление!

Катя потупилась и промолчала, что заставило папу оторваться от телевизора и повернуть к ней голову.

Катя покраснела. Потом тихо произнесла:

– Это были не дети.

– А кто же? – изумился папа.

– Я не могу сказать... – почти прошептала Катя.

– Та-а-ак... – протянул папа, поворачиваясь к ней на диване всем телом. – У нашей дочери появились какие-то тайны.

В дверях кухни показалась мама.

– Это что ещё за новости? – спросила она.

– Ничего не понимаю, – сказал папа. – Я своими глазами видел, как моя дочь Катерина с карапузами шла в направлении моста через реку, и, похоже, в то самое время, когда должна была бы сидеть на уроке краеведения, а она это отрицает. Что бы это значило?

– Я не отрицаю, – сказала Катя. – Я просто сказала, что это были не дети.

– А кто же? Карлики? Цирковых афиш я в нашем городе не видел.

И тут Катя заплакала, а папа сразу потерял интерес к выяснению обстоятельств дела.

– Ну, ладно... Ладно, – сказал он. – Карлики, карапузы, лилипуты... Бог с ними! Шла бы ты спать, дочка. Завтра разберёмся. Или не завтра, позже как-нибудь. Потом...

Катя ушла к себе в комнату на мансарду.

Складывая на табуретку одежду, она слышала, как мама выговаривала папе:

– Вот так всегда – стоит ей пустить слезу, и ты тут же расслабляешься.

Папа, гудя низким голосом, что-то отвечал ей. А потом голоса стали и вовсе плохо различимы – родители перебрались на кухню.

Катя, засыпая, подумала о том, что попала в неловкую ситуацию, и надо бы решить, как из неё выбираться? Но сон сморил её раньше, чем она смогла что-то придумать.

И ей приснился фонтан на центральной городской площади. Не тот, где посредине в нелепых позах устроились бетонные дети – мальчик и девочка – с отбитыми носами и платками, повязанными на шеях. Однажды весной Катя видела, как две старухи красили этих детей белой краской, а их платки – красной. Позже пустили воду, краска потекла, и дети стали выглядеть совсем уж жалкими. Но Кате приснился фонтан таким, как он был раньше, очень давно, каким его не видели даже папа с мамой. Во времена, когда площадь еще называлась Ярмарочной. Тогда на бортике фонтана сидели семь изумрудно-зеленых лягушек, которые направляли по семь струй воды из своих широких ртов на беломраморную речную сирену – символ города, возвышавшийся посреди фонтана. Увенчанная короной, сирена улыбалась из-под радуги молодому усатому продавцу марципанов. А неподалёку большой чёрный медведь, которого придер-

живал на цепи цыган в цветастой рубашке, показывал детям фокусы, жонглируя деревянными обручами.

2

Мама Кати работала бухгалтером на фабрике по изготовлению лампочек и всякого светящегося и электрического. И проводила там все рабочие дни с утра и до вечера. Но папа был человеком относительно свободной профессии – музыкантом и сочинял песни. Правда, известно – в наше время песнями не заработаешь на жизнь. Особенно в таком маленьком городке, как их. Поэтому папа Кати в одном из подвалов старых домов завёл себе студию, где записывал на компакт-диски чужое пение. Иногда, раза три или четыре в месяц он ездил в большой столичный город, что раскорячился своими стеклянными зданиями-коробками у самого моря, и там вкупе с другими безработными музыкантами выступал в клубах. И всё же, несмотря на такую его обширную занятость, он не был прикован к рабочему месту, как мама, и мог свободно расхаживать по городу в любое время.

Через пару дней после памятного разговора, идёт как-то папа прогулочным шагом по набережной реки в раздумьях над новой песней, и вдруг видит Катю. Да не одну, а с каким-то маленьким мальчиком. И хоть видел он их со спины, но свою дочь каждый папа способен разглядеть. А вот мальчика папе распознать не удалось. Вдобавок ко всему, время было как раз такое, когда Кате полагалось сидеть за партой и выслушивать учителей. Даже тех, которые привыкли говорить глупости. Так что папа совершенно отвлёкся от творческих замыслов и попробовал нагнать детей, что бы выяснить, чем они занимаются на улицах города в разгар учебного дня? Но не тут-то было! Катя с приятелем так торопились, что папе догоняя их, впору было перейти на бег, что показалось ему не совсем приличным.

Так вот, лёгкой рысцой, дети впереди, папа – за ними, вся троица свернула у дамбы с Набережной на Мельничную улицу, поднялась по ней до Буковой аллеи, и папа уже подумал, было, что Катя ведёт своего спутника домой. Мало ли, может занятия в школе отменили, или ещё чего... Решили чаю попить за игрой на компьютере. Но вот тут-то и случилось невероятное – дети пропали. То есть, папа видел, как те ступили в тень арки под башней городских ворот, там задержались на несколько секунд, и – всё! На освещённом солнцем тротуаре Буковой аллеи за воротами они не появились. Исчезли в арке, как мираж. Папа даже, презрев приличия, пустился бегом. Добежал до дома, где жили, поднялся на третий этаж к квартире, обыскал её всю, и не найдя Кати, вернулся к воротам и попробовал рассуждать логически. У него плохо получалось. Получалась какая-то глупость.

Та сторона Буковой аллеи, что к северу от ворот, на которой жила Катя с родителями, считалась «городской». Деление на две части случилось в древности, когда их городок ещё защищали высокая стена и ров, соединяющийся с речкой Мельничным ручьём, вместо которого сейчас шла улица. Тогда Буковая аллея доходила от Рыночной площади только до, запирающихся на ночь, ворот в городской стене. Дальше превращалась в дорогу по «ничейной» территории. Так что и застраивалась аллея только с безопасной городской стороны и потому очень плотно – стена одного дома становилась стеной другого, прижавшегося к ней. Позже, когда строгая защита от соседей потеряла надобность, створки городских ворот сняли с петель, ров засыпали, а город начал быстро распространяться в стороны и вышел за речку – к руинам рыцарского замка. Вне городской стены дома уже строились свободно и вальяжно – с клумбами и приусадебными садиками вокруг. Если бы Катя захотела спрятаться, то там это было бы несложно. Лет двадцать тому назад, когда двери домов на «городской» стороне Буковой аллеи ещё не запирались автоматическими приспособлениями, через них можно было попасть во дворы и следом такими же дворами – обойти весь городок. Но теперь это невозможно. А

поскольку Катин папа видел, как та вошла в арку под башней ворот, но не вышла из-под неё, стоило задуматься над тем, не привиделось ли ему всё это?

Обескураженный, он даже постучал в резные двери, которые были по обеим сторонам внутри арки и когда-то вели внутрь стены – в помещения для стражи, и через лестницу – на верхнюю оборонительную галерею. Постучал, хотя прекрасно знал, что за деревянной декорацией одной из них находится железная дверь, ключ от которой хранится в городской администрации, а вход за другой давно заложили кирпичной кладкой.

Впору было Катиному папе обращаться к врачу на предмет изучения непредвиденных галлюцинаций. В расстроенных чувствах и озадаченном настроении он позвонил по мобильному телефону Катиной маме и выложил ей все свои сомнения. Но та отнеслась к этому легкомысленно. Дескать, шёл бы ты домой, да выспался.

Здесь надо сказать, что Катина мама всегда имела на своего супруга, Катиного папу, умиротворяющее и успокаивающее действие. И он покорно последовал её разумному совету – пошёл домой, благо до дома было рукой подать, и улёгся спать. А проснувшись вечером, обнаружил, что к этому времени спать уже уложили Катю. Так что выяснить, имело ли под собой какие-то основания его сегодняшнее приключение, папе не представилось возможности. Он попытался было поговорить об этом с мамой, но та продолжала относиться к его рассказу несерьёзно, разговора не получилось, и папа обиженно уставился в телевизор.

На экране мелькали кадры катаклизмов, диктор угрожал зрителям ураганным ветром, но за происшествиями, мелькавшими на экране, папа следил с рассеянностью. Сказать по чести, загадка уходящего дня занимала его куда больше.

Меж тем, стрелки больших напольных часов-курантов за стеклом дубового корпуса приближались к полуночи.

Позже папа Кати будет утверждать, что хорошо помнит, как куранты пробили полночь, но в это трудно поверить.

3

К моменту, когда обе стрелки слились воедино на желтоватой, покрытой мелкими трещинками эмали циферблата, папа, судя по всему, уже дремал. Во всяком случае, последовавшие за этим события более напоминают его сон, чем быть. По-крайней мере, есть тому одно незначительное свидетельство, но об этом – ниже.

А в тот момент папе Кати показалось, что в гостиной стало непривычно тихо. Он стал озираться, выискивая причины беспорядка, и выявил, что маятник на его любимых напольных часах безвольно повис. Часы остановились. Папа уже встал с дивана, чтобы посмотреть, в чём неполадки, но другое отвлекло его. Наверху в детской скрипнули половицы и явственно слышались шаги его дочери, которая прошла от своей кровати к стене с окном.

«Ночь на дворе, – подумал папа. – Что ей там понадобилось?»

Он немного постоял, выжидая, что Катя вернётся в постель, пока безмятежность половых досок над головой не стала вызывать у него смутное беспокойство. Тогда папа, с сожалением глянув на безжизненные куранты, пошёл к лестнице на мансарду.

Катя спиной к входу сидела в проёме открытого окна, свесив ноги наружу, и её волосы светились в лунном свете вокруг головы, как нимб.

«Ну, вот! – подумал папа. – Нам в доме только лунатиков и не хватало...»

Он стал судорожно вспоминать всё, что знал о лунатиках. Знал мало. Собственно говоря, он вообще ничего о них не ведал. Единственное, что пришло ему в голову – где-то услышанный совет: не пугать их во время этого процесса. Однако советы хороши для теоретиков. А на практике – его любимая и единственная дочь Катерина сидела сейчас на подоконнике, рискуя

при любом неосторожном движении скатиться с высоты четвёртого этажа вниз по черепичной кровле на гранитную брусчатку Буковой аллеи.

Папа вытянул руки и стал медленно, не дыша, двигаться по детской, не сводя глаз с Кати. Себе под ноги он не смотрел, и, конечно, зацепился за табуретку с одеждой и загремел на паркет вместе с ней всеми своими конечностями.

– Папа? – обернувшись, спросила Катя. – Что ты здесь делаешь?

– Я-то?! – удивился папа с четверенек. – Да так... Вот... Решил твою одежду с пола собрать. Ты там, на окне не боишься простудиться?

– Главное, не пугайся. Тебе это – вредно, – продолжил папа, вставая с пола и отряхиваясь. – Можно упасть.

– Не страшно, – сказала Катя. – Там внизу, вдоль всей крыши есть заборчик. Посмотри, он прямо над нашей гостиной. Если б я упала, ты смог бы достать меня прямо отсюда. Просто руку подал бы и всё.

– Что за глупости? Какой «заборчик»? – спросил папа и, крепко обхватив Катю, высунул мимо её плеча голову в окно.

– Ах, этот! Ограждение...

Он хотел строго сказать, что это ограждение-«заборчик» поставили только на случай сползания черепичин в ветер, и на падающих девочек оно совсем не рассчитано, но осёкся.

За окном всё было не совсем так, как он привык видеть с детства. Вернее, совсем не так.

Там было утро.

Вдоль по Буковой улице бежал мальчик, волоча на нитке бумажного змея с нарисованными совиными глазами. Змей не хотел взлетать, мальчик злился, а почтальон шедший следом, придерживал левой рукой шпагу на боку, которая гремела, позванивая кончиком ножен по булыжной мостовой, и приговаривал:

«Мальчик, не мешай... Не мешай мальчик, государственной почте... Ну-ка, отходи, мальчик в сторону!»

Хмурый невыспавшийся фонарщик со своим шестом наперевес тащился по улице им навстречу. Гасил масляные фонари.

– Смотри, – засмеялась Катя. – Сейчас из вот той синей двери выйдет мясник и зарычит: О! как же я вчера напился пива!!!

И точно: из двери, на которую указывала Катерина, вышел какой-то полуодетый субъект в рыжем кожаном фартуке, открыл рот в зевоте, распахнул руки по сторонам от себя, и заорал:

– Марта! Слушай! О! Как же я вчера обпился пивом!!!»

– Послушайте, Маргин, – сказал ему еврей-старьёвщик из лавки напротив. – Я понимаю, Вы по вечерам пьете пиво... Но не всей же улице это интересно. Прекратите, наконец, нас оповещать. Это уже стало непристойно. Марта! Хоть Вы ему скажите, если он не хочет меня слушать.

– А помнишь, папа, – сказала Катя. – Ты мне рассказывал, что, когда был маленьким, считал, будто наша мостовая сделана из черепашьих панцирей. И ты боялся по ней ходить, потому что думал, черепахи расползутся под твоими ногами.

– Катя! Что тут происходит? – испуганно спросил папа. – Куда подевался газетный киоск у нашего дома? И кто эти люди? Катя! Я сплю или окончательно сошёл с ума?

– В это время ещё не выпускали столько газет, что б надо было торговать ими в киосках, – сказала Катя. – Ты задаёшь очень странные вопросы, папа! Открой глаза и сразу сам всё поймёшь.

Папа открыл глаза и понял, что сидит на диване в гостиной. Напротив маятник часов мерно отсчитывал время. На циферблате было две минуты первого ночи. Внезапно ему показалось, что он расслышал, как наверху в Катиной комнате скрипнула кровать. Он поднялся на

мансарду, и осторожно приоткрыл дверь детской. Катя была в постели. Луна светила в комнату сквозь занавеску на окне, которая слабо волновалась, будто её только что задёрнули.

– Чепуха какая-то... – пробормотал папа себе под нос, и отправился в их с мамой спальню досыпать.

А утром он повторит эту фразу.

4

У папы Кати был автомобиль – старенький «Мерседес» «караван», которым он пользовался только в случаях, когда выезжал со своими гитарой и синтезатором в столичный город подработать. По родным узким улицам папа предпочитал ходить ногами. Поэтому, выйдя утром из дома, что бы отправиться в студию, он почти сразу наткнулся на бумажного змея, который, лежа на обочине тротуара, вяло шевелился под слабым ветром. Змей был тем самым, из папиного сна – с глазами совы на крыльях. Тут-то обескураженный папа и повторил громко:

– Чепуха какая-то!

И он в очередной раз заподозрил у себя умственное расстройство. Папе даже показалось, что змей подмигнул ему одним глазом. А ещё папе вспомнилась фраза, которую в детстве частенько слышал от своего школьного учителя обществоведения Светланы Павловны: «Этого не может быть, потому, что не может быть никогда!» Но папа-то знал, что не все утверждения Светланы Павловны при тщательном рассмотрении являлись истинами. Поэтому папа Кати для начала внимательно оглядел Буковую аллею. Он приготовился к появлению почтальона со шпагой на поясе, но тот не показался из-за угла. Газетный киоск стоял на своём обычном месте, и никто не кричал на всю улицу, рекламируя любимые напитки. И тем не менее, папа решил, что эта непростая ситуация достойна тщательного рассмотрения. Он подобрал с брусчатки змея, и в глубочайшей задумчивости пошёл дальше.

Оторвал его от этого занятия, зазвонивший в кармане куртки, мобильник.

– Ты представляешь!? – заявил он папе голосом Катиной мамы. – Сейчас мне на рабочий телефон позвонила Светлана Павловна...

– Вспомни чёрта, и он – тут как тут... – ответил папа.

– Что? – спросила мама. – Ты меня слушаешь?

– Слушаю, – вздохнул папа.

– Так вот! Наша Катерина опять отсутствует на уроке краеведения! А у меня горит синим пламенем финансовый отчёт. Так что придётся тебе разобраться с поведением твоей любимой дочери. Не вздумай отлынивать и не поддавайся на жалость.

– Есть не поддаваться, – сказал папа, погрузнев.

– Всё! Отправляйся на поиски. Я – на телефоне.

– Угу... – согласился папа.

Бумажный змей в его руках насмешливо прищурился, мешая здраво мыслить, поэтому папа поддался первому же порыву и пошёл туда, где в последнее время уже видел пару раз Катю – к Мельничной улице и Набережной.

Проходя под аркой ворот, папа невольно остановился, вспомнив вчерашние события. На секунду ему даже показалось, что он слышит за одной из дверей, той, что некогда изнутри была заложена кирпичом, едва слышные голоса. Но он решительно отогнал от себя очередное наваждение и твёрдым шагом устремился вниз по улице.

Змей трепыхался в его руке. Ветер начинал усиливаться, а небо хмурилось.

Однако ни у дамбы, ни на Набережной, где обычно любили играть дети городка, Кати не оказалось. Папа даже прошёл выше по течению реки – к городскому парку, который был разбит в низине бывшего Мельничного пруда, для чего в незапамятные времена из него спустили

воду, но и там, среди каруселей и аттракционов не нашёл дочери. Сообщать об этом маме он счёл преждевременным и поплёлся к центру, сокращая путь, через кварталы особняков.

Там Катю и встретил.

Она решительно шла ему наперерез.

– Ага! – сказал папа, когда та подошла ближе. – На ловца и зверь бежит.

– Точно, – ответила Катя. – Я тебя искала. Мне нужно серьёзно поговорить.

– Хорошее дело! – заметил папа. – Оказывается, это со мной нужно говорить! Я, вероятно, прогуливаю уроки.

– Да что там школа! – отмахнулась Катя. – Дело куда серьёзнее!

– Катя, не дури мне голову, пожалуйста, – попросил папа. – Она у меня и так затуманена.

Ты почему не в школе?

– Пап... Ну, не занимайся мелочами! У нас с тобой очень важное дело. Пойдём.

– Постой, но как же школа? – пробовал осадить Катю папа, но та увлекла его за руку и он сдался:

– Ну, пойдём...

И Катин папа вновь попал на Мельничную улицу, вид которой уже находил назойливым. А подходя к башне городских ворот, он и вовсе задумался: не пора ли на пару дней съездить на гастроли в столичный город? Потом он укрепился в этой мысли, поскольку начали происходить и вовсе невероятные вещи.

5

Когда они вошли в арку, Катя постучала условным стуком в дверь прямо по вырезанному на дубовой доске рыцарскому шлему. В ту самую дверь, за которой, как был уверен её папа, была кирпичная кладка. И дверь распахнулась.

В проёме стоял маленький, едва достававший макушкой зелёной замшевой кепочки до Катиного пояса, лопоухий карлик. В руке его была свеча.

– Входите быстрее, нас могут заметить, – сказал он писклявым голоском, и прикрыл пламя свечи от ветра крошечной ручкой.

Потом они спустились по винтовой каменной лестнице в подвалы, о которых папа Кати и не подозревал. Там, в небольшом зале, освещённом десятком свечей, обнаружили ещё три лилипута под стать первому в таких же кепках разных цветов. От свечного света их уши сияли, как красные китайские фонари. Один из карликов стоял немного поодаль, держа на поводке толстого лохматого барсука. При появлении Катиного папы тот понюхал воздух полосатой мордой и издал недовольный ворчащий звук. После этого карлики дружно поклонились и хором сказали:

– Здравствуйте! Вы нас не знаете, но нам известно, что Вы – Катин папа.

– Мы – Катины друзья, – самостоятельно добавил тот, что с барсуком, отчего остальные посмотрели на него неодобрительно. Он смутился и отступил глубже в тень.

Барсук опять заурчал.

А папа, ошарашенный этим представлением, смог произнести только:

– Ага...

Тогда вперед выступил лилипут в малиновой кепке, и предложил:

– Присаживайтесь.

Папа понял, что этот – старший в их команде, и оглянулся. Сзади стояло обычных человеческих размеров пыльное кресло с ножками в виде львиных лап, из прорех которого выглядывали пучки не то сена, не то высушенных водорослей.

– Ничего. Я постою, – сказал папа, решив побереечь брюки.

Тут, заметив его неловкость, вмешалась Катя:

– Давайте, приступим к нашему делу?

И старший карлик, прокашлявшись, поведал, что их звездочёты предсказывают на завтрашнюю ночь небывалый ураган. Юго-западный ветер будет такой силы, что погонит воды залива в реку и повернёт её течение вспять, а та разольётся и затопит не только новые прибрежные улицы, но и часть Старого Города.

– Грустно, – сказал папа Кати. – Но я-то что могу здесь поделать? И потом, это – не первый ураган в нашей жизни. Как-нибудь переживём.

– Такого не было многие сотни лет, – с досадой, будто разъянял ребёнка, сказал карлик. – Дело в том, что прежде, чем затопить ваши улицы, вода уничтожит наши жилища.

– Папа, под этим городом есть ещё один – их город. Под землёй. Ты что, не понимаешь, что ли? – опять вмешалась Катя.

– Да, – подтвердил карлик. – Мы жили здесь ещё до того, как вы, люди, решили обустроиться над нашими головами. Когда-то мы уже перенесли такой ураган, и наше племя чуть не погибло. Тогда сирены, что водились в этой реке, помогли нам пробурить сток в Глубинное Море, и вода в реке не могла подняться до опасного уровня. Но пришли люди и решили построить дамбу с мельницей. В те времена люди ещё замечали нас, мы им во многом помогали, и, чтобы не навредить нам, они сделали две заслонки. Одна была обычной – для спуска воды из пруда, а другая на случай таких вот ураганов, открывала люк у самой дамбы на дне ручья, который люди называли Мельничным. Ручей уже закрыт сверху дорогой, но механизм работает, мы проверяем его регулярно два раза в год. И сейчас, впервые за семь сотен лет, им нужно воспользоваться.

– Ну, и зачем дело стало? Воспользуйтесь! – согласился папа. – Я-то здесь причём?

– Они не имеют права, – вставила Катя.

– Не можем, – поправил её карлик. – Мы связаны кровной клятвой, и никогда не должны касаться того, что принадлежит людям. Бывали среди нас те, кто нарушал обет, но за этим следует страшная кара. Откройте заслонку, мы готовы заплатить. Наши звездочёты умеют делать золото из любого металла.

Папа Кати, воспринимавший происходящее полным бредом, вдруг представил, как попытается продать золотой топор или плоскогубцы, и ему стало весело.

– Золото – не лучшая плата за доброе дело, – усмехнулся он. – Так что же, по-вашему, я должен сделать? Нырнуть в речку или выкопать тоннель под улицей? Где эта ваша заслонка?

Карлик оживился:

– Она, по-прежнему, на дне ручья под дорогой. Но это не должно Вас заботить. Механизм включается из городского фонтана. Когда-то посредине там стояла статуя сирены. Корона на её голове и была вентиляем, который запускал механизм. Теперь сирены нет, там поставили какие-то странные изваяния, но под ними сохранилась крестовина, вот её и надо повернуть против движения солнца на полный оборот.

– О-о-о! – сказал папа Кати. – Послушайте, господа карапузы! Или лилипуты, как вас там по национальности величать, не знаю... Если даже вообразить, что я поверил во весь этот ваш вздор, если вообразить хоть на секунду, неужели вы думаете, я действительно пойду сейчас в центр города и стану крушить фонтан? Да меня через пять минут закуют в наручники, железные, заметьте, не золотые, и запрут в кутузку минимум на полмесяца. Это – в лучшем случае. А то ещё в больницу для чокнутых отвезут. Там половиной месяца не отвертишься. Катя, пошли домой. Всё, цирк закончился.

Он взял Катю за руку и повлёк к лестнице.

Та как-то по-птичьи пискнула:

– Папа!

– Пойдите, – разволновался карлик. – Вы не понимаете! Если затопит наш Нижний город, то и ваши дома на воде долго не простоят!

– Ничего, – сказал папа Кати, поднимаясь по гранитным ступеням лестницы. – Мы с нашими домами как-нибудь разберёмся.

Катя тащи́лась за ним.

По дороге домой Катя с папой не сказали друг другу ни слова.

6

На другой день был выходной.

С утра городская радиостанция предупреждала о шторме.

Мама Кати собиралась в бухгалтерию тушить синее пламя финансового отчёта.

Папа, тоскливо уставившись в монитор своего компьютера, пытался работать над новой песней. Но ему мешал бумажный змей, который лежал со вчерашнего дня на письменном столе. Он, не то презрительно, не то насмешливо таращил на папу круглые глаза и этим отвлекал от работы.

А Катя не появлялась из детской.

– Что ты с ней сделал? – спрашивала мама Кати у её папы, надевая плащ у зеркала в прихожей. – Она не вышла даже позавтракать. Строгость это – хорошо, однако ребёнок должен питаться. Я пошла в контору, а ты покорми Катерину. Вернись к обеду.

Папа не считал, что ребёнок, который живёт в доме с холодильником, может просто так умереть с голоду, но после ухода мамы всё же заглянул в комнату Кати.

Та молча сидела у забрызганного дождём окна, за которым метались на ветру багровые верхушки буков.

На предложение поесть ответила:

– Не хочется.

И папа оставил её в покое.

Потом вернулся к компьютеру, признал, что все его утренние попытки творчества – бездарны, удалил нотные записи, и пошёл на поиски вдохновения – прогуляться.

Ветер обрывал с деревьев, и так жидкую к этому времени, листву, и расшвыривал её по асфальту и брусчатке, налетавший иногда дождь царапал лицо, будто когтями, и это взбудрило Катиного папу, но свежих идей не прибавило. Тогда он зашёл в кафе, где хозяином был его старый школьный приятель Леонид, выпить кофе и поболтать с ним о музыке. Тот считал, что писать музыку и книги проще, чем жарить котлеты и с лёгкостью рассуждал об этом. Папу суждения Леонида злили, но почему-то после них он всегда чувствовал необыкновенную способность к сочинительству.

В этот раз всё получилось иначе.

Едва он присел с чашкой кофе за столик, в кафе зашла Светлана Павловна.

– Чай с лимоном! – заявила она с порога Леониду, и, увидев папу, тут же направилась к нему. Походка у неё была, как у саламандры, а намерения решительными.

– Хорошая погода, не правда ли? – заявила она вместо приветствия, усевшись напротив. Затем вытащи́ла большую папиросу, закурила её и, запустив вонючим клубом дыма в лицо Катиному папе, спросила:

– Знаете, о чём я давно собиралась с Вами побеседовать?

Папа Кати этого не знал. Впрочем, ему и не хотелось знать. А если б захотелось, то всё равно не узнал бы. Он вдруг перестал слышать, что ему говорит Светлана Павловна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.